

*А. В. Ганин
(Москва)*

Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский

В статье на основе документов российских, украинских, польских и американских архивов прослеживается жизненный путь и эволюция взглядов начальника украинского Генерального штаба в 1918 г. полковника А. В. Сливинского.

Ключевые слова: *Генеральный штаб, Украинская держава, А. В. Сливинский, Гражданская война.*

Украинская военно-политическая история эпохи Гражданской войны 1917–1922 гг. в последние годы стала особенно актуальной, а многие типичные для того времени явления похожим образом повторились в наши дни. Эти обстоятельства не могут не обратить исследовательский интерес к тем людям, которые находились в руководстве вооруженных сил только возникшего украинского государства в то непростое время. Этот интерес обостряется в связи с тем, что многие из украинских военачальников и штабистов той эпохи были людьми русской культуры, так или иначе принимавшими украинскую идею или оказавшимися временными попутчиками тогдашней украинской государственности. До сих пор в поле зрения исследователей не попадала биография одного из таких офицеров – начальника украинского Генерального штаба при гетмане П. П. Скоропадском Александра Владимировича Сливинского. Между тем, на его примере можно составить представление об одном из архетипов поведения офицерства в период 1917–1922 гг.

Александр Слива (Сливинский) родился 29 августа 1886 г., происходил из дворян Полтавской губернии, где у его отца было родовое имение¹. Окончил Петровский голтавский кадетский корпус (1905), Николаевское инженерное училище по первому разряду (1908) с занесением имени на мраморную доску. Свою военную службу Сливинский начал в 5-м понтонном батальоне в Киеве.

По аттестации 1912 г., данной полковником П. Ф. Рябиковым в императорской Николаевской военной академии, поручик Слива

Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

«способностей хороших. В поле недостаточно находчив. Старателен, тактичен, дисциплинирован. Несколько замкнутого характера»². В 1913 г. Рябиков к этому прибавил: «В поле работает хорошо и быстро»³. Академию Сливинский окончил в 1914 г. по первому разряду.

По свидетельству знавшего Сливинского с детских лет полковника С. Н. Ряснянского, «он был на год моложе меня по Полтавскому кадетскому корпусу, и тогда он носил фамилию Слива. Кончил он корпус одним из первых и через 3 года* пошел в академию Генерального штаба, так что окончил ее раньше меня. Во время Великой войны он был в штабе 10 кавалерийской дивизии, а позже в штабе 3 конного корпуса в то время, когда этими частями командовал знаменитый граф Келлер. Выказал себя Сливинский, рожденный Слива, во время войны очень хорошо и заслужил не только орден Св. Георгия, но и уважением чинов дивизии, а позже и корпуса, но... ему захотелось занять высокое положение и удовлетворить честолюбие. Случай представился. В начале 1917 он был назначен в штаб Румынского фронта, и там же в начале революции был образован украинский комитет для самоопределения украинцев. Сливинский сразу же вошел в него и начал играть в нем значительную роль. Когда я упрекнул его при встрече в Яссах в том, что он занялся украинизацией, то он мне на это сказал, что его задача не дать захватить верх в комитете чистым самостийникам. Возможно, что в то время он и не думал о полной самостоятельности Малороссии, но уже несколько позже, когда он был выбран в раду, его первоначальные взгляды изменились, и он стал самостийником»⁴.

Сливинский выдвинулся уже в годы Первой мировой войны, зарекомендовав себя как храбрый офицер. На фронт он пошел старшим адъютантом штаба 10-й кавалерийской дивизии. В 1914 г. исполнял должность начальника штаба 10-й кавалерийской дивизии. С 22 марта 1915 г. – капитан, старший адъютант штаба III Кавказского корпуса. За проявленную храбрость в бою 10 декабря 1914 г. был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. за отличие в боях 15–29 апреля 1915 г.

Впоследствии он вспоминал, что «в течение этой войны мне пришлось участвовать под непосредственным начальством выдающегося русского кавалерийского вождя генерала графа Ф. А. Келлера

---

* Явная ошибка мемуариста, в академию можно было поступать через три года службы в офицерских чинах, то есть после окончания военного училища, а не кадетского корпуса.

во всех боях 10-й кавалерийской дивизии, потом III-го конного корпуса, состав которого одно время достигал восьми кавалерийских дивизий. Приходилось видеть конные атаки русской кавалерии на неприятельскую пехоту, батареи, пулеметы и даже на укрепленные позиции»⁵. Безмерное уважение к генералу графу Ф. А. Келлеру Сливинский сохранил на всю жизнь. Келлер также очень любил и высоко ценил Сливинского⁶. Думается, дружба с таким ярким монархистом, каким был граф Келлер, вполне характеризует и взгляды самого Сливинского, очевидно, далекие от идеалов украинского национализма.

С 3 апреля 1917 г. Сливинский занимал пост штаб-офицера для поручений по авиации управления генерал-квартирмейстера штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта⁷. Есть сведения и о том, что некоторое время офицер был начальником штаба Киевского военного округа. В старой армии Сливинский дослужился до чина подполковника (произведен 15 августа 1917 г.). По некоторым данным, Сливинский был среди арестованных следственной комиссией при петроградском революционном трибунале за деятельность в период выступления генерала Л. Г. Корнилова⁸.

Украинизировался Сливинский довольно рано – еще летом 1917 г. На II всеукраинском военном съезде, проходившем 5–10 июня 1917 г. в Киеве, Сливинский был избран в состав Украинского генерального войскового комитета⁹, председателем которого являлся украинский политический деятель С. В. Петлюра.

В сентябре–октябре 1917 г. Сливинскому предлагали генеральскую должность начальника штаба крепости Севастополь, однако он отказался¹⁰. В Ставке считали, что офицер себя пока не зарекомендовал, «чтобы выдвигать его не в пример прочим»¹¹. Когда 18 ноября 1917 г. были утверждены штаты Украинского войскового генерального секретариата и туда начали переманивать офицеров-генштабистов, Сливинский значился 2-м генерал-квартирмейстером¹², а затем помощником начальника украинского Генштаба. Ему принадлежало авторство проекта развертывания украинской армии путем использования оставшихся на Украине частей и соединений старой армии Румынского и Юго-Западного фронтов. Планировалось из X армейского корпуса сформировать Киевский, из XXV – Волынский, из XXVI – Полтавский, из XXXI – Черниговский, из XXXII и III – Подольский, из VIII и XL – Одесский, из V Кавказского – Екатеринославский.

В декабре 1917 г. Сливинский лично руководил разгоном большевистского ВРК 9-й армии с помощью украинизированных подраз-

делений¹³. Участвовал Сливинский и в историческом военном совете в кабинете украинского генерального секретаря по военным делам Н. Порша 5 января 1918 г., когда обсуждался вопрос организации сопротивления красным¹⁴. Сливинский был, очевидно, достаточно молод для высоких должностей, которые кружили голову. К сожалению, точных причин его карьерного взлета установить не удалось. К своим обязанностям он относился весьма серьезно. Его будущая супруга вспоминала, что в период наступления красных на Киев в начале 1918 г. Сливинский находился в подавленном настроении. «Он, всегда бодрый и энергичный, вдруг жалуется на инертность офицерства, безвластие и говорит, что с тем, что удалось ему собрать, ничего сделать уже нельзя»¹⁵. В январе 1918 г. Сливинский несколько дней занимал пост начальника штаба Гайдамацкого коша Слободской Украины – военизированного добровольческого формирования. Затем эту должность от него принял бывший слушатель ускоренных курсов Николаевской академии А. И. Удовиченко. В период наступления красных на Киев, спасая свою жизнь, Сливинский как частное лицо пешком ушел из Киева¹⁶, возвратившись лишь с немцами.

10 марта 1918 г. Сливинский занял пост начальника Генштаба Украинской народной республики (УНР). Во время переворота 29 апреля 1918 г., завершившегося приходом к власти гетмана П. П. Скоропадского, Сливинский одним из первых поддержал Скоропадского, чем обеспечил себе сохранение занимаемой должности¹⁷. Более того, Сливинский в начале мая 1918 г. временно исполнял обязанности министра военных дел и флота.

Скоропадский практически не знал его. Недоброжелатели пытались дискредитировать офицера в глазах гетмана, заявляли о большевизме или о властных амбициях Сливинского, однако гетман со временем оценил лояльность молодого начальника Генштаба и даже стал симпатизировать Сливинскому¹⁸. Протежировал Сливинскому начальник штаба гетмана генерал Б. С. Стеллецкий.

Сливинский участвовал в заседаниях правительства и находился в курсе украинской политики. Его будущая супруга отмечала, что после прихода к власти Скоропадского прекратилась травля Сливинского¹⁹, однако о чем идет речь, неизвестно. 29 июня 1918 г. Сливинский был переименован в войсковые старшины со старшинством с 15 августа 1917 г. Весной–летом 1918 г. Сливинский выступал в качестве военного эксперта на переговорах с РСФСР.

Товарищ министра внутренних дел В. Е. Рейнбот свидетельствовал, что военный министр генерал А. Ф. Рагоза в силу преклонного

возраста уже был номинальным министром, реальная власть была в руках генералов А. П. Грекова, А. Г. Лигнау и подполковника Сливинского, которого Рейнбот охарактеризовал как талантливый. По мнению этого мемуариста, Сливинский был невероятно честолюбив и склонен к интриганству²⁰. Якобы он боролся с министром внутренних дел И. А. Кистяковским, для чего использовал влияние на гетмана Скоропадского и председателя Совета министров Ф. А. Лизогуба. Впрочем, утверждения того же мемуариста о поддержке Сливинским за счет военных ассигнований неких радикальных украинских группировок, о его двойной игре и чуть ли не потворстве свержению гетманской власти²¹ вызывают сомнения.

Генерал В. А. Мустафин считал Сливинского «молодым офицером Генерального штаба, несомненно умным и способным, большим карьеристом, пошедшим по указке самостийников и проводившим на высшей командной должности негодных, скомпрометированных людей, проявлявших угодливость перед “украинскими шовинистическими течениями” и ненависть (конечно, внешне напускную) ко всему русскому»²². Мустафин также подтверждает свидетельства о том, что Сливинский подчинил своему влиянию военного министра²³.

Емкие характеристики Сливинского оставил в своих воспоминаниях генерал Б. С. Стеллецкий. По его свидетельству, Сливинский с детства мечтал сделаться вторым Наполеоном, целиком посвятил себя военному делу, благодаря чему блестяще учился, причем вне военного дела у него интересов не было. Надо сказать, стремление офицеров к наполеоновской карьере было типичным явлением того времени.

При поддержке Стеллецкого Сливинский получил право самостоятельного доклада гетману, что вызвало недовольство генералитета, в частности, товарища военного министра генерала А. Г. Лигнау²⁴. На плечи Сливинского легла организационно-оперативная работа. Причем, если верить Стеллецкому, Сливинский, несмотря на оппозицию старших офицеров, смог наладить работу Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)²⁵. В намеченных им преобразованиях за основу была принята германская система корпусных округов, каждый из которых составляла губерния. Организация строилась от высших штабов к низшим. Однако этот план в итоге принят не был²⁶.

Петлюровские военачальники отзывались о Сливинском скорее недоброжелательно. Генерал М. В. Омелянович-Павленко писал о

переполнявшем его чувстве неприязни к начальнику Генштаба²⁷. По характеристике генерала В. Н. Петрова, Сливинский – «подвижный, стройный, невысокий офицер с быстрой речью, категоричными выражениями, энергичными жестами»²⁸. Когда Сливинский обратился к Петрову на русском языке, последний намеренно отвечал ему на «мове», чем вынудил и Сливинского перейти на украинский язык²⁹. По мнению генерала А. П. Грекова, Сливинский – «заурядный мелкий офицер Генштаба с большими наклонностями к мании величия и интриганству», причем назначен он был якобы по рекомендации партии эсеров³⁰.

Показательны взаимоотношения Сливинского с белыми. Представитель белых в Киеве подполковник С. Н. Ряснянский вспоминал, что Сливинский был с ним очень любезен и обещал ему свое содействие³¹. Генерал М. А. Свечин, командированный в Киев в мае 1918 г. в составе военно-дипломатической миссии Всевеликого войска Донского, оставил подробное описание встречи со Сливинским. Последний был рад приезду генерала Н. Н. Головина – его профессора в академии и заявил Головину и Свечину: «Все мы, русские офицеры, можем спокойно и откровенно вести наши беседы, т. к. наши помыслы направлены, где бы теперь ни находились, на пользу России»³². Сливинский обещал содействие в отношении поставки вооружения и боеприпасов.

Об украинской армии Сливинский сообщал: «Мы имеем вооружение и снаряжение не менее как на восемь корпусов. Украинское крестьянство – прекрасный элемент для комплектования. Сюда сбегалось немало офицерства, много специалистов – Ген. штаба, артиллеристов, воен. инженеров и пр. По требованию гетмана я делал доклады в правительстве с представлением проектов и наставлений не теряя времени приступить к формированию. Это нам крайне необходимо, но вовсе не нужно немцам иметь вооруженного соседа, и воля их в этом вопросе неуклонна. Все попытки нашего правительства убедить немцев в разрешении организовать хотя бы незначительную воинскую силу для ограждения границ от большевиков были безрезультатны. Немцы ведут двойственную политику: в Москве Мирбах поддерживает большевиков, кои теперь им не страшны, а здесь в Киеве Мумм* поддерживает гетмана от тех же большевиков. По отношению донских казаков немцы не препятствуют красным ве-

---

* Мумм фон Шварценштейн Филипп Альфонс (1857–1924) – барон, германский посол на Украине.

сти борьбу, а здесь стараются войти в дружбу с казаками. Видимо, находят для себя полезным, чтобы обе стороны слабели от войны, а наружно остаются в добрых отношениях... Все, чего мы могли добиться... это сформировать штабы нескольких корпусов и дивизий. Понятно, штабы не защита, но все же готовое руководство. Кроме того, в засекреченном порядке мы установили работу быв. русских уездных воинских начальников, взятием на учет военнообязанных. А под видом полиции организовали небольшие команды»³³.

Генерал П. Н. Врангель, побывавший у Скоропадского примерно в конце мая – начале июня 1918 г., упомянул Сливинского в нескольких строках своих воспоминаний: «Начальником Генерального штаба состоял полковник Сливинский, способный офицер, которого я знал по Румынскому фронту... У Сливинского я подробно ознакомился с вопросом формирования армии. Немцы, все обещая, фактически никаких формирований не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и, кажется, одна “хлеборобская” дивизия. Никакой правильной мобилизации произведено не было, да и самый мобилизационный план не был еще разработан. Ни материальной части, ни оружия для намеченных формирований в распоряжении правительства не было»³⁴.

Помощником Сливинского стал известный отечественный военный деятель полковник Н. Е. Какурин. Проблемой гетманской армии стало наличие лишь штабных структур без реальных войск в их подчинении. В докладе Генштаба капитана Петрова начальнику разведывательного отделения штаба Добровольческой армии подполковнику С. Н. Ряснянскому от 14 (27) сентября 1918 г. о состоянии украинской армии сообщалось, что ГУГШ возглавлял молодой подполковник Сливинский, «по отзывам многих лиц, способный, а главное трудоспособный офицер»³⁵. По свидетельству белого агента, при вступлении в должность военного министра генерала А. Ф. Рагозы было много разговоров о замене Сливинского генералом Н. Л. Юнаковым, однако эти разговоры остались на уровне слухов.

По всей видимости, мирная обстановка под защитой немецких штыков не предполагала тяжелой кропотливой работы генштабистов. Сливинский в этот период находил время для встреч и увеселительных поездок по стране со своей будущей супругой М. А. Вишневецкой (в первом браке – Мейер) – женщиной старше себя по возрасту (родилась около 1880 г.)³⁶.

Помимо выполнения своих прямых должностных обязанностей Сливинский не чурался публичности и, похоже, к ней стремился. Это

стремление проявилось в его многочисленных интервью в киевских газетах, особенно частых на излете немецкого присутствия на Украине. Что интересно, по этим выступлениям можно проследить и его политические взгляды того периода. Одна из бесед касалась создания украинской армии. Начальник Генштаба оптимистично заявил, что национальная армия вскоре будет создана на основе всеобщей воинской повинности, причем не для угрозы кому-либо, а для защиты независимости страны. Для этого помимо мобилизации предполагалось кадровым частям предоставить увеличенные постоянные штаты. Офицерам было обещано засчитывать прежнюю выслугу лет в старой армии, а также улучшить их материальное положение. Гордостью начальника Генштаба была Сердюкская дивизия, которая считалась образцовой. Объявил Сливинский и о намеченном создании Державной военной академии для пополнения кадров Генштаба, а также о том, что будут созданы инспекции артиллерии и технических войск для проверки состояния соответствующих частей и применения в них технических новинок. Кроме того, Сливинский заявил, что армия будет преследовать и цели просвещения. В ней будет вестись обучение украиноведению, возникнут военные журнал и газета³⁷. Интервьюируемый, судя по тексту, был явно завышенного мнения и о себе, и о своей работе – отсюда широкоэвangelические заявления и неприкрытое самолюбование. Увы, антибольшевистский лагерь породил немало подобных «наполеончиков». Столкновение с реалиями Гражданской войны моментально разрушило их фантастические построения.

Следующая беседа корреспондента со Сливинским затронула вопрос формирования национальной гвардии. По мнению Сливинского, выделять национальную гвардию из регулярных войск не следовало³⁸. Начальник Генштаба отмечал невысокую дисциплину такого рода частей и наличие в них авантюристических руководителей. В то же время до окончания формирования регулярных войск, по его мнению, можно было иметь территориальные центры обороны из непризывных «элементов порядка» – лояльных украинскому государству представителей интеллигенции и хлеборобов. Заслуживает внимания проговорка о том, что армия Украине нужна по аналогии с Финляндией и Донской областью для защиты от красных.

Не прошло и десяти дней, как Сливинский дал новое интервью в связи с прошедшим совещанием корпусных командиров³⁹. Наиболее острыми были офицерский и унтер-офицерский вопросы, а также обеспечение войск. Решено было расширить доступ к офицерским

должностям, обеспечить войска к середине ноября четырехмесячным запасом продовольствия. Существенное внимание привлек вопрос о новом «Уставе о воинской повинности», а также проблема близкого завершения Первой мировой войны на западе, что грозило уходом с Украины немцев и новой военно-политической ситуацией, когда Украина оказывалась один на один с красными.

Через несколько дней состоялось очередное интервью, в котором был затронут вопрос о готовности страны к обороне на случай вторжения большевиков. Сливинский призывал к скорейшему созданию регулярной дисциплинированной армии на случай возможной войны⁴⁰. Упомянул он закон об инструкторских частях, которые формировались для усиления кадров и для скорейшего получения боеспособных частей при полках. Сливинский в этом интервью открыто восхищался организацией Добровольческой и Донской армий. По его мнению, они были совершенными. При этом начальник украинского Генштаба удивлялся, как таким армиям могли сопротивляться красные. Как мы знаем сегодня, белые армии были далеко не совершенны, однако наблюдавшему со стороны офицеру старого Генерального штаба понимание этого, видимо, еще не могло прийти даже осенью 1918 г. Красных же Сливинский, очевидно, воспринимал как противника. 31 октября 1918 г. Сливинскому было установлено старшинство в чине с 24 декабря 1915 г., а сам он произведен в полковники.

Еще одна беседа со Сливинским была опубликована в военной газете «Армия» 10 ноября 1918 г. в связи с чрезвычайными решениями гетманской власти в области обеспечения безопасности. Сливинский рассказал тогда корреспонденту о положении дел в сфере формирования армии⁴¹. Интервью Сливинского отчетливо показывают, что это был, видимо, склонный к демагогии (в обширных интервью не сказал практически ничего) офицер-антибольшевик, причем отнюдь не ориентированный на украинских националистов.

Поражение Германии в Первой мировой войне и оставление Украины немецкими оккупационными войсками предопределило падение гетманского режима. Вскоре после капитуляции немцев, 14 ноября, Сливинский встретился с офицерами Генерального штаба и неожиданно заявил им:

«Я собрал вас, господа, с единственной целью. Теперь настал момент, когда необходимо говорить откровенно и прямо. Вот уже шесть месяцев, как на Украине идет работа по созданию армии под

руководством 200 или 300 офицеров Генерального штаба. За их и вашу работу моральная ответственность ложится на меня. Поэтому я считаю необходимым высказаться.

Настал час возрождения России. В каких формах это совершится – решать не нам, но что оно будет, не подлежит никакому сомнению. И в этом смысле работа Генерального штаба не может быть ни односторонней, ни неопределенной. Каждому из здесь присутствующих совершенно ясно, что только единство воли и действий обеспечит успех в борьбе. А потому я нахожу нужным ясно определить наше отношение к разнородным формированиям на территории бывшей России, и я знаю, что оно не может быть никаким, кроме братского. Против большевиков должен быть создан единый фронт, и на этом фронте Украина должна занять подобающее место.

Я прошу вас считать, что вы все работаете в этом смысле и в этом направлении, что ваша работа имеет целью участие наше в процессе возрождения России в тесном контакте со всеми силами, идущими к той же цели, как созданными в России, так и с державами Согласия»⁴².

Последовавший обмен мнениями выяснил полное единство взглядов на этот вопрос у офицеров-генштабистов.

Итак, речь шла о возрождении России, а не Украины, и о едином антибольшевистском фронте. В одном из выступлений Сливинский даже заявил, что пора скинуть маску и провозгласить федерацию⁴³. Участвовал он и в подготовке федеративной грамоты гетмана Скоропадского 14 ноября 1918 г., в которой говорилось о будущей Украине как автономии в составе федеративной России, освобожденной от большевиков.

Откровенно пророссийское заявление начальника Генштаба было, судя по всему, воспринято в украинских кругах неоднозначно. Уже в следующем номере газета напечатала разъяснение, производившее впечатление самооправдания. Отмечалось, что идея создания единого фронта против большевиков, о которой заявил Сливинский, не предreshала будущих форм государственного устройства России и не предполагала конкретики, а являлась лишь намерением⁴⁴.

17 ноября 1918 г. Сливинский оставил должность начальника Генерального штаба. Возможно, причиной стала его слишком пророссийская позиция. В прощальном приказе № 198-а он отмечал, что за восемь месяцев с помощью сотрудников по Генштабу проделал работу по подготовке кадров более 60 полков русской армии и органов военного управления⁴⁵. Этот документ интересен хотя бы тем, что в нем ни разу не упомянуто слово «Украина». Кроме того, приказ был

написан на русском языке и только заголовок – на украинском. От должности Сливинский был уволен с назначением в распоряжение военного министра и с зачислением по Генштабу. Новым начальником украинского Генштаба стал губернский староста Киевщины генеральный хорунжий П. М. Адрианов⁴⁶.

В конце 1918 г. Сливинского взял к себе генералом для поручений его прежний командир граф Ф. А. Келлер, руководивший добровольческими формированиями в Киеве⁴⁷.

Интересно, что в канун крушения гетманской власти, 24 ноября 1918 г., Сливинский и М. А. Вишневская обвенчались в домовый церкви 2-й киевской мужской гимназии в присутствии графа Келлера. Сливинский усыновил ребенка супруги от первого брака.

Венчанию предшествовал следующий показательный диалог.

Сливинский: «И что вы предполагаете теперь делать? Ведь на днях здесь будут петлюровцы, и в лучшем случае всем удастся бежать».

Вишневская: «Я выйду за вас раньше замуж».

Сливинский: «А что если теперь я этого не захочу? Ведь сейчас ни положения, ни средств иметь я не буду».

Вишневская: «В этом случае мы совсем в одинаковом положении»⁴⁸.

Родственник супруги Сливинского, офицер Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Ю. К. Мейер, вспоминал, что осенью 1918 г. граф Келлер некоторое время жил у Сливинских на квартире⁴⁹. По свидетельству супруги Сливинского, их квартира была местом встреч антибольшевистски настроенных офицеров, а с переездом в начале декабря Келлера «превратилась в какой-то штаб: с раннего утра приходил народ, телефон не переставал работать»⁵⁰. Сам Сливинский «часто перебегал от одних друзей к другим и при первом удобном случае вообще должен был покинуть Киев», причем даже супруга не знала, где именно он находился⁵¹.

В декабре 1918 г., после крушения гетманской власти, Сливинский по охваченной Гражданской войной Украине с театральной труппой перебрался в Одессу⁵². Затем туда же уехала его супруга. Жизнь в Одессе разительно отличалась. Удалось устроиться у знакомых «в большой хорошей комнате; обедали все вместе в большой кутящей компании, по вечерам развлекались в театрах, кинематографрах; устраивали чаи, ходили на концерты»⁵³. С переходом Одессы под власть большевиков весной 1919 г. Сливинские перешли на нелегальное положение, раздобыв чужие паспорта⁵⁴. В дальнейшем пришлось легализоваться: «Через печать вызывались отдельные лица в

особую военную комиссию, якобы для регистрации и назначений на места. Одним из первых был вызван генерал Рогоза, бывший военный министр при гетмане, но вместо назначения он был посажен в тюрьму, а затем расстрелян. Все офицеры Генерального штаба были вызваны отдельно в три срока. Ни в один из них А. В. [Сливинский] не пошел, тогда его вызвали персонально, напечатав в официальной газете, что в трехдневный срок он должен явиться, т. к. такие способные офицеры в настоящее время крайне нужны, и его ожидает большое назначение, за неявку же грозят ему заслуженные последствия. Прочитали, подумали и пошли регистрироваться. Почти всюду ходили вместе и были очень хорошо приняты. Сразу же предоставили нам возможность получить из банка собственные деньги... Выдали нам также крупный аванс и литературу для поездки в Киев, куда назначили Ал. Вл-ча в распоряжение штаба, где он якобы должен был получить видное место»⁵⁵.

Летом 1919 г. Сливинский был зарегистрирован красными в Одессе как генштабист и вызывался в резерв штаба наркомата по военным делам Украинской ССР⁵⁶. Впрочем, службы у красных он постарался избежать. Уже на вокзале Сливинские вошли в вагон, но перед самым отходом поезда соскочили и бежали. Пешком дошли вдоль побережья до колонии Люстдорф, затем возвратились в Одессу. После нескольких дней временного проживания у знакомых решили спрятать Сливинского в доме умалишенных в двух верстах от города. Супруга Сливинского значилась по разным документам в трех местах, причем даже сотрудничала с разведывательной организацией «Азбука», работавшей в пользу белых. В работу был вовлечен и сам Сливинский, разрабатывавший планы операций белых. В итоге дождались взятия Одессы белыми. Жизнь Сливинских в Одессе при белых была в целом благоприятной. При них Сливинский стал печатать в газетах военные обзоры, чем неплохо зарабатывал и даже смог получить по реквизиции большую комнату в центре. Пасынок Сливинского служил у белых. М. А. Сливинская вспоминала: «Жилось нам в Одессе при добровольцах хорошо. Зарботков Ал. Вл. нам хватало на нашу скромную жизнь с избытком, так что даже откладывали. Всегда были в курсе политических дел и военных действий нашей Добровольческой армии, которая победоносно шла на Орел»⁵⁷. Сливинские вновь побывали в Киеве, разыскивая родственников. Тогда Сливинский перенес тяжелейший сыпной тиф и едва не умер, причем в горячке кричал, что ему нужно спасти офицерство⁵⁸. Затем семья эвакуировалась из Одессы в Севастополь.

В качестве курьеза следует отметить, что вплоть до июля 1919 г. Сливинский значился как канцелярист 3-го ранга в военном министерстве УНР, причем, когда военным министром стал полковник В. Н. Петров, он неудачно пытался реабилитировать Сливинского перед петлюровским руководством как начальника Генштаба при гетмане⁵⁹.

В конце 1919 – начале 1920 г. Сливинские эвакуировались из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В устройстве личных дел пригодилось знакомство с Врангелем. По данным на май 1920 г. семья находилась в Югославии. Затем Сливинский получил назначение от Врангеля для связи в Польшу. Отправился он туда вместе с супругой, но в Каменце-Подольском застал отступавших поляков, откуда возвратился в Белград⁶⁰.

После этого Сливинский получил вызов в Крым, куда прибыл с супругой за несколько дней до эвакуации белых. Осенью 1920 г. он вновь эвакуировался из Севастополя в 1920 г. на пароходе «Сегед» как прикомандированный к отделу генерал-квартирмейстера штаба Русской армии, вместе с ним ехали еще два человека⁶¹. Характерно, что в 1921 и 1923 гг. Сливинский испрашивал у штаба Врангеля денежную компенсацию за вызов его в 1920 г. в Крым⁶².

В эмиграции Сливинский поселился в Сербии, в Приеполе, работал инженером-строителем. Уже в первые годы эмиграции он, забыв бывшее увлечение украинством, вступил в общество русских офицеров Генерального штаба⁶³. Впрочем, к 1925 г. Сливинский значился среди тех, кто утратил связь с обществом⁶⁴. В ноябре 1926 г., однако, он нашелся и восстановился в обществе, из которого был за утратой связи исключен. Для этого пришлось внести 20 динар⁶⁵.

Жизнь в изгнании, очевидно, пробудила ностальгию по прежней службе, причем в русской армии. Сливинский занялся военно-историческими исследованиями. В 1921 г. в Сербии он издал брошюру «Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославлице». Мотив, двигавший автором, изложен в самом начале книги:

«Глубокая признательность и светлая память о незабвенном моем боевом учителе генерале от кавалерии графе Федоре Артуровиче Келлере и о славных полках 10-й кавалерийской дивизии (новгородские драгуны, одесские уланы, ингерманландские гусары, оренбургские казаки и донские батареи), с которыми я провел почти три года Великой войны и с которыми делил лишения, опасности и славу, заставили меня написать свои воспоминания об одном из блестящих дней их боевой жизни.

Пусть современники и потомки ведают об их подвигах недавнего прошлого»⁶⁶.

В этой небольшой работе Сливинский провел глубокое исследование конного боя, а также изложил собственные впечатления в качестве его участника. Помимо аналитической части брошюра содержала схемы и боевые расписания. Из этой работы мы можем несколько лучше представить взгляды самого автора на различные вопросы. Среди прочего он отмечал, что «бой прежде всего есть человеческая драма, в которой психика достигает величайшего напряжения, где она могуче борется со сковывающими и регулируемыми ее формами и формулами, разорвав которые, дух побеждает чисто математически точные расчеты материи»⁶⁷. Достаточно интересны рассуждения автора о характере будущих войн. Важный вопрос, который его волновал, касался возможности использования конницы в войнах будущего. Опыт Гражданской войны показал, что ее широкое применение вполне возможно, но на вопрос о том, будет ли у конницы подобная возможность в дальнейшем, Сливинский однозначного ответа не дал⁶⁸.

В эмиграции Сливинскому пришлось сменить профессию. Он занимался подрядами по проведению шоссе в Боснии⁶⁹. В 1925 г. переехал в Германию, почему, видимо, утратил связь с товарищами по обществу офицеров Генштаба. В 1951 г. он перебрался в традиционную для украинской эмиграции Канаду и умер в Монреале 21 декабря 1953 г.

Современники характеризовали Сливинского как рассудительного человека, оказавшегося на трудном с точки зрения отстаивания русских интересов посту. Его биография демонстрирует непростой жизненный путь русского по духу, языку и культуре офицера, временно связавшего свою жизнь и карьеру с украинской идеей, но так и не прибывшего к украинскому национальному движению. На своем посту он поддерживал белых. Как и у ряда других деятелей гетманской эпохи, взгляды Сливинского отличались противоречивостью, неустойчивостью и сочетали в себе как русский патриотизм и антибольшевизм, так и определенные проукраинские симпатии. С падением гетманского режима Сливинский завершил и украинский эпизод своей карьеры, так и оставшийся эпизодом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Центральный военный архив Польши им. майора Болеслава Ва-лигоры. 1.380.2.230. Л. 239.
- 2 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 3. Д. 8500. Л. 1об.
- 3 Там же.
- 4 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 16–17.
- 5 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославиче. Сербия, 1921. С. 49.
- 6 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 89.
- 7 *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 477.
- 8 ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 398.
- 9 *Skrukwa G.* Formacje Wojskowe Ukrainńskiej «Rewolucji Narodowej» 1914–1921. Toruń, 2008. S. 162–163.
- 10 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1269. Л. 300–301.
- 11 Там же. Д. 1313. Л. 51–52.
- 12 Там же. Д. 1257. Л. 50.
- 13 *Миц И. И.* История великого Октября. М., 1979. Т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. С. 369.
- 14 Військова нарада в кабінеті генерального секретаря Порша дня 18 (5 ст. ст.) січня 1918 р. // Літопис Червоної Калини (Львів). 1937. № 5. С. 3.
- 15 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 78.
- 16 Там же. С. 81.
- 17 *Скоропадський П. П.* Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 157.
- 18 Там же. С. 181–182.
- 19 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 84.
- 20 Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. Сб. док. М., 2014. С. 85.
- 21 Там же. С. 85, 115, 121.
- 22 Там же. С. 451.
- 23 Там же. С. 479.
- 24 Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ). Ф. 4547. Оп. 1. Д. 1. Л. 93–94. Оупбл. в: Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе... С. 677.

- 25 ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 1. Л. 96; Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе... С. 678.
- 26 ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 1. Л. 99; Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе... С. 679.
- 27 *Омелянович-Павленко М.* Спогади командарма (1917–1920). Київ, 2007. С. 90.
- 28 *Петрів В.* Військово-історичні праці. Спомини. Київ, 2002. С. 363. Перевод наш.
- 29 Там же. С. 570.
- 30 *Греков А. П.* Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине) // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 143.
- 31 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 17.
- 32 *Свечин М. А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 177.
- 33 Там же. С. 178–179.
- 34 *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 98–99.
- 35 ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 105об.
- 36 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 87.
- 37 Украинская армия (беседа с начальником Генерального штаба) // Последние новости (Киев). 1918. № 5224. 05.10 (22.09). С. 3–4.
- 38 Беседа с начальником Генерального штаба // Последние новости. 1918. № 5232. 10.10 (27.09). С. 3.
- 39 Беседа с начальником Ген. штаба // Последние новости. 1918. № 5248. 20(07).10. С. 2.
- 40 Беседа с нач. Ген. штаба // Последние новости. 1918. № 5252. 23(10).10. С. 3.
- 41 Беседа с начальником Генерального штаба // Армия. Ежедневная военно-морская газета (Киев). 1918. № 6. 10.11. С. 1–2.
- 42 В Генеральном штабе // Армия. 1918. № 10. 15.11. С. 1.
- 43 Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 49.
- 44 В Генеральном штабе // Армия. 1918. № 11. 16.11. С. 3.
- 45 ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 267. Л. 1.
- 46 ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 215.
- 47 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 88.
- 48 Там же. С. 89.
- 49 Там же. С. 618.
- 50 Там же. С. 89.

- 51 Там же. С. 91.
52 Там же. С. 94.
53 Там же. С. 96.
54 Там же. С. 97.
55 Там же. С. 98–99.
56 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 297; Там же. Д. 921. Л. 64об.
57 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 105.
58 Там же. С. 111.
59 Процесс генерала Мирона Тарнавського в 1919 р. Вінніпег, 1976.
С. 19.
60 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 119.
61 ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 52. Л. 50.
62 Там же. Ф. Р-7518. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
63 Там же. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 3. Л. 71.
64 Там же. Д. 14. Л. 31.
65 Там же. Л. 45.
66 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии. С. 3.
67 Там же. С. 28.
68 Там же. С. 54.
69 Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет. V. M. Pronin collection.

A. V. Ganin

The Chief of the Ukrainian Joint Staff A.V. Slivinskij

The article is based on Russian, Ukrainian, Polish and American archival data and traces the life and evolution of views of the Chief of Ukrainian General Staff in 1918 colonel A. V. Slivinskii.

Keywords: *General Staff, Ukrainian State, A. V. Slivinskii, Russian Civil war.*